

ЗАМЕТКИ О ПОВЕСТЯХ ВЛАДИМИРА ТЕНДРЯКОВА

В 1972 году в журнале «Дружба народов» В. Тендряков опубликовал великолепную статью «Новый час древнего Самарканда». В ней речь шла о системе контроля и учета в хлопководческих бригадах Самаркандской области. Ее суть я излагать здесь не буду. Интересующихся отсылаю прямо к первоисточнику. Но смысл статьи не в чисто экономических выкладках, хотя они и приводятся, а в том, что писатель разглядел в опыте одной области такие общественно важные аспекты, которые касаются буквально всех.

В доказательство позволю себе привести лишь некоторые обобщения, логически вытекающие из всего хода размышлений автора:

«Мы часто любим говорить высоким стилем о внимании к человеку. Внимание. А что это, собственно, такое? Быть вежливым, не грубить, не заставлять посетителя ждать у дверей своего кабинета?.. Можно исполнять все перечисленные тут требования, обращаться с человеком наивежливейше, наипредупредительнейше и не испытывать потребности узнать, что он, этот человек, из себя представляет. Наверное, истинное внимание к человеку — это стремление понять, что он такое, чем живет, на что способен, какие нужды и запросы у этого конкретного человека имеются. И тут, казалось бы, такое чисто организационно-экономическое мероприятие, как проведение массового контроля и учета, играет прямо на вымечтанное требование мораллистов всех времен и народов — внимание к своему ближнему!

...Я внимательно приглядываюсь ко всем, все — ко мне. Пристальное внимание друг к другу диктуется современным участием в организации нашего общего труда, сначала оно становится правилом, а потом и привычкой... *А предельное*

внимание общества к личности — это и есть, наверно, наивысший коллективизм»¹.

Так «чисто экономическая» задача, о которой говорит в статье В. Тендряков, обретает всеобщее значение, перерастает в разговор о будущем человечества, невысказанном вне упрощения коллективизма. Но статья, помимо своего конкретного смысла, еще и обнажает систему мышления художника. Он постоянно отталкивается от живого опыта, от кризисного события, от сложного характера, порожденного нередко сегодняшними общественными противоречиями, и приходит к весьма ответственным выводам, предложениям, прогнозам, гипотезам... И было бы странно не считаться с ними, с порогу отвергать, обличая и негодуя. Не лучше ли подумать и поточней разобраться?

1

Писателя В. Тендрякова много раз поправляли: не до конца продумал, не так, как нам бы хотелось, изобразил, не туда повел читателя, и тут же поучали: надо то, надо другое... Между тем, если перед нами действительно крупный художник, — а сейчас в этом никто не сомневается, — его надо понять, проникнув в художественную ткань его произведений без предвзятости.

Более четверти века назад появилось первое крупное произведение В. Тендрякова, обратившее на себя внимание. А затем мы всегда заинтересованно и нетерпеливо читали и новые романы, повести и очерки, вызывавшие, как правило, различные суждения, непримиримые столкновения, долго не утихающую полемику.

Помню: мы только что прочитали в «Новом мире» ошеломляющие очерки В. Овечкина, и вот опубликовано тендряковское «Падение Ивана Чупрова», оказавшееся прямым продолжением той же — еще непривычной — линии. Произведение это встало в ряд с очерками В. Овечкина, потому что в нем необычно для тех дней раскрывались существенные противоречия нашей жизни, говорилось о серьезном неблагополучии в хозяйстве страны, изображались странные, трудно объяснимые изменения в психологии, в поведении некоторых руководителей. Внутренний мир людей определенного типа интересовал В. Тендрякова. Мы были захвачены переживаниями председателя колхоза Ивана Чупрова, когда он вконец запутался, запил, опустился.

Перечитывая очерк сейчас, легко обнаруживаешь просчеты, которые мы тогда не замечали и в которых никто не виноват, тем более сам автор, решившийся на граждански смелый и откровенный разговор о самом главном. Чита-

---

¹ В. Тендряков. Новый час древнего Самарканда. «Дружба народов», 1972, № 3, с. 224.

теля волновала и покоряла новизна явления, о котором он только смутно в ту пору догадывался. У Ивана Чупрова был, оказывается, свой «злой гений» — плюгавенький бухгалтер, умело приравнявший председателя к рукам. Стоило только пойти покаяться, прижать хапугу-бухгалтера, как сразу все становилось на свое изначальное место. Система хозяйствования, порождавшая такого рода руководителя, по сути дела выводилась из-под удара беспощадного художественного анализа. Мы в те дни все вместе еще не доросли до этого, нам еще предстояло пережить полосу прожектерства в сельском хозяйстве, чтобы наконец убедиться в несовершенстве ряда применяемых методов, и образ Ивана Чупрова воспринимался как открытие уже изжившего себя типа современного руководителя. Однако, как показали последующие события, он еще был жив, Иван Чупров, процветал, имел сильных сторонников, и В. Тендрякову не раз и не два пришлось возвращаться к нему.

В этом смысле примечательна повесть «Тугой узел».

К этому времени В. Тендряков был уже автором тонко и точно выписанной повести «Не ко двору». В ней в полную силу проявился незаурядный эпический талант писателя. Он создавал оригинальные характеры, подробно и густо рисовал обстоятельства, а в сюжете, в направлении присутствовала острота современных общественных столкновений. Как личность Стеша Ряшкина формировалась под влиянием двух диаметрально противоположных сил — социалистических и собственнических. Бревна ряшкинской избы были пропитаны стяжательским духом, и столь крепким, что Федору Соловейкову, главному герою повести, сразу нечем стало дышать. Собственничество Силана Ряшкина и его супруги отравило сознание их дочери, оторвало от ее сверстников, от комсомола, от колхоза, от интересов общества. Если она и мечтает, то лишь о своем доме, своем огороде, о своих тюлевых занавесках на окнах, о своем патефоне... Влияние новых сил, увы, ничтожно, потому и прозрение Стеши в самый последний момент не кажется подготовленным, зато психологически верно все, что мы узнаём о Стеше, уверовавшей в непогрешимость родительской, ряшкинской морали. Только тяжелая личная драма заставила Стешу подумать, кто же виновен в ее злосчастной судьбе. Но ведь собственничество от этого не перестало быть живым и действующим. Теоретически мы как будто понимаем, что к чему, практически — уничтожение собственничества все еще тайна за семью печатями.

Повесть «Тугой узел» — это сплошные вопросы и вопросы, на которые автор пытался еще в середине пятидесятых годов дать ответы, разобраться, что же у нас происходит. Он стремился шаг за шагом проследить, как из честных, энергичных, могущих хорошо трудиться Павлов Мансуровых рождаются деляги, почему они во имя утверждения своей

личности ни перед чем не останавливаются. На этот раз в повести отсутствует злодей-бухгалтер. Разговор уже идет не о традиционных пережитках в сознании советских людей, а о причинах более частных и потому более глубоких.

Это, конечно, частность, что Павлу Мансурову свойственно честолюбие, это, конечно, индивидуальная особенность биографии Мансурова — он долго, ничем не удовлетворенный, искал себя и, наконец, нашел: стал партийным руководителем районного масштаба. Как честный коммунист, он не отворачивался с равнодушием от того, что плохо, и готов был действовать, чтобы устранить недостатки. Но его рвению долго не давали ходу, а когда изменилась обстановка, секретарь обкома Курганов преподал ему предметный урок ограниченности: хочешь государственный интерес соблюсти — о своем, областном, не забывай, хотя бы и выглядело это не очень разумно; хочешь лен сеять, поскольку он доходный, — зерновые не сокращай, так как главный показатель местного благополучия — не выгода, не результат, а цифра на данный отрезок времени. Когда в область привезли племенной скот, Курганов снова потребовал думать не о существе дела, а о цифре: больше возьмешь — хороший хозяин, меньше — никудышный. Честолюбивый Мансуров жаждал стать хорошим, смелым, крепким. И он бы стал им со временем, если бы не Курганов с его системой хозяйствования. Так частные качества Мансурова переросли в общественно-значимые факторы.

— Кто виноват в том, что я стал таким? — спрашивал Мансуров Курганова. — ...Я лез по зыбкой дорожке, но кто меня подбадривал и словом, и бумажкой, и добрым сочувствием?

Мансуров мог бы и не задавать вопрос так прямо, и без того ясно, какие условия и кто именно способствовал тому, что он забыл о людях («избивал кадры»), не брезговал клеветой (на умного председателя колхоза Игната Гмызина), настаивал на мерах, которые, знал, не принесут колхозам пользы (пропаганда кормоцехов и т. п.). Самое же примечательное, что он отделался легким испугом, когда его деятельность была обличена: его не исключили из партии, не лишили права руководить, его послали учиться, повышать, так сказать, свою квалификацию карьериста. Объясняет он такой счастливый поворот в своей судьбе цинично-просто: страхом Курганова. «Испугался, милый, что молчать не стану, тебя вместе с собой вытащу на чистую воду».

К такому типу руководителя В. Тендряков вынужден был вернуться в повести «Подёнка — век короткий», написанной почти десять лет спустя. Председатель колхоза Артемий Богданович Пегих, умный человек, тоже хотел хозяйствовать честно, но не получилось — в это время гремело «рязанское чудо». И начал он хитрить, дипломатничать, кричать на собраниях одно, а делать другое, заниматься во

спасение очковтирательством. Лзва лжи и обмана разъядала души вдохновителей и творцов «рязанского чуда» и касалась всего общества. В повести «Тугой узел» жертвой такой системы стали Феодосий Мурыгин, Саша Комелев, Катя Зеленцова (один покончил жизнь самоубийством, другие пережили душевную драму), а в «Подёнке» — крушение грянуло над головой трудолюбивой колхозницы Нasti Сыроегиной.

И снова художника интересует, как этот процесс происходит в душе человека. Там — Мансуров, здесь — Сыроегина. Нас убеждает подлинно-художественный анализ всех изгибов поведения и размышлений героя, его внутренних порывов и действий, отличающихся тем, что писатель никогда не забывает об их конкретных социально-психологических причинах. Можно спорить, могла или не могла в финале повести так скоропалительно прозреть Настя Сыроегина, но ни у кого не возникает сомнений, что Мансуров, Артемий Богданович, Настя — характеры типические, сформированные нашей действительностью, живой практикой руководства сельским хозяйством, теперь осужденной.

Это положение относится ко всем книгам В. Тендрякова, в том числе и к тем, которые вызвали нарекания: писатель-де отказывается от пристального и всестороннего исследования вопроса, удовлетворяясь поверхностным и в корне ошибочным объяснением, он лишь указывает на сложность явлений, но не распутывает их до конца и т. д. Я имею в виду такие действительно сложные, остро проблемные произведения, как «Тройка, семерка, туз», «Суд», «Короткое замыкание».

В них он тоже выступает как художник-социолог, как писатель-публицист с обостренным ощущением времени, с желанием вырваться вперед в постановке самых жгучих вопросов.

В. Тендряков оказался в числе немногих, кто заявил: наши коллективы неоднородны, слово «советский» не спасает людей от незрелости, от ошибок, от инертности и дряблости. Труд — великий целитель, но слепо уповать только на него, как у нас подчас уповают, — заблуждение. Человек может отлично трудиться в отличном коллективе, но оставаться стяжателем, собственником. Социально-психологическая природа характера более тонка и опосредствована, чем это представляется.

Никто не мог отрицать убеждающей силы и пластичности изображения героев повести «Тройка, семерка, туз» и обстановки, в которой они живут. Здесь и река, что «кипит среди камней, брызжет, несет хлопья желтой пены; выписывая привольные петли, течет она по необжитому, дикому краю к полярному морю». Здесь и «лес, тесно прижавший дома к берегу». Здесь и тридцать два человека, работающих на сплаве, о каждом из которых сказано немного, но

полновесно. Мастер Дубинин и силен, и отзывчив, и честен. Работают все отлично, есть даже артисты сплавного дела. Колоритен Егор Пастухов с его чемоданом, похожим на сундук, и большим висячим замком на нем, хотя никто не помнит на участке случаев воровства; спокойно, «даже с брюзгливым выражением прошел он на бревне «малую кипень» — место перед проходом. Бурлит вода, раскачивается бревно, а Егор цепко стоит на нем, лениво вскидывает багром, не спеша отталкивается от камней, от наползающих бревен. И уж он не промахнется, не отступится, причалит к берегу...» А как картинен Генка Шамаев, и как ясен нам двадцатилетний увалень Лешка Малинкин с его подражанием Дубинину, с его мечтой стать со временем справедливым и строгим хозяином участка. Все они из ближайших деревень — Куренево, Закутное, Яремное, видимо, не новых и с устоявшимся прочным бытом. В жизнь таких пастухов всегда духовная культура войти еще не успела. В. Тендряков всегда конкретен и рисует не абстрактных среднеарифметических людей, а тех, что связаны в данном случае с полурабочей и полукрестьянской средой, тех, что работают прежде всего для самих себя, а потом уж во имя больших целей, а чаще всего только для себя.

В. Тендряков показал, что труд не превращается автоматически в социалистический, что противоречие между его коллективной социалистической формой и принципом индивидуальной, еще неравной оплаты результатов труда существует. Само существование Бушуевых, этих людей, способных на все, вплоть до убийства, должно нас насторожить, говорит своей повестью В. Тендряков. Видимо, все еще живет питательная среда, которая их порождает и поддерживает. Вероятно, это и собственничество Егора Пастухова, и инертность целого коллектива, и бездуховность их добросовестного, сильного, трудолюбивого Саши Дубинина...

Некоторые критики обвиняли В. Тендрякова в недооценке силы советского коллектива, требовали, чтобы он, как и подобает зрелому художнику современности, нарисовал такую примерно картину: трудовой коллектив, возглавляемый умным Дубининым, в трудную для него минуту безошибочно сработал и выбросил из своей, в основном здоровой, среды Бушуева, пусть с некоторыми потерями, больше того, в этой схватке с Бушуевым он бы сплотился и вырос, выпал бы из него, быть может, только один закоренелый, теперь в картежной игре окончательно раскрывшийся, собственник Егор Пастухов, Но В. Тендряков, как художник самостоятельно и смело думающий, не пошел по этой проторенной дорожке. Сама жизнь заставила его взять более трудный и более сложный для анализа случай, когда коллектив не сработал в желанном для нас духе, да и не смог сработать в сложившихся реальных обстоятельствах. И сразу вскрылась бездна неизученных вопросов и проблем.

От писателя часто требуют, чтобы сложные вопросы и запутанные явления, которые он вынужден ставить или показывать в своих произведениях, честно идя за жизнью, были непременно распутаны и решены. Требование наивное, проистекающее от убеждения, что сам-то требующий уже давно владеет истиной.

В. Тендряков ищет эту истину. Он не заявляет: я знаю ее. Он говорит: я хочу ее знать. Он бьет тревогу, он ищет причины, он требует прислушаться к голосу совести, если к чему-либо другому не хотят прислушиваться, он настаивает: «коммунистическая мораль не исключает из своей сферы «владения» совесть человеческую, наоборот, признает ее силу, придает ей значение. Об этом и написана повесть «Суд».

Да, это — художественное исследование самой природы лжи и обмана, еще, к сожалению, встречающихся в нашем обществе, природы неправды, связанной с потерей совести, пусть даже на одну-единственную минуту. Главным положительным героем повести В. Тендрякова стала Истина, этим и объясняется то стремление автора к последовательности и строгой логике размышлений, которые так смущают некоторых критиков. Одни говорят о «нечетких решениях моральных проблем», другие об «усмирении прозы ради полногласия проблем», третьи о «пережиме» и «заданности» или о «запутанности морализации». Мне не хочется спорить с этими товарищами. Я только хочу обратить внимание на обостренную чуткость художника к наиболее животрепещущим проблемам времени, на его умение раскрыть их сразу во множестве связей. Решить четко поставленную проблему, не делая нажима на любимые мысли, — такое не удавалось и Льву Толстому. Кто как, а В. Тендряков, будучи художником, взволнован утратой совести у некоторых советских граждан.

Прокурор в повести «Суд» — не последняя фигура. На него же при анализе обычно мало обращают внимания. Между тем он первый посеял семена формального подхода к делу, хотя отлично понимал, что совершившееся — «чистая случайность». В его власти было сразу все решить, как надо, по правде. Но что-то его остановило. Что остановило прокурора Тестова, «недюжинного человека», «заядлого книголюба», знающего «наизусть стихи Блока и Есенина», человека мягкого и уступчивого?

Во-первых, предположение, что кто-то может на дело посмотреть именно с этой, формальной стороны. Поэтому он решает сразу же обезопасить себя, прикрываясь ради объективности крылатой фразой: «В нашем деле приходится быть педантами». Во-вторых, боязнь возможных осложнений, если вдруг окажется, что убил Дудырев, человек с «могучим

именем». В-третьих, убеждение, что совесть не есть нечто реальное в человеке, на что можно и опереться в сложных случаях, а то, что всего лишь «иной раз прорывается в душе русского человека» и «гонит вслед за ссыльной проституткой» (намек на «Воскресение» Л. Толстого). Этот добрый и мягкий человек, занимающий столь ответственный пост, к сожалению, еще не отрешился от старого представления о человеке как средоточии всяческих пороков, сквозь которые время от времени пробиваются и добродетели.

Если у прокурора формальное отношение к делу и обязань за себя и неверие в человека, в его чистоту и порядочность проявляются с известной долей робости, то у следователя Дитятичева все это вылезает наружу откровенно и прямолинейно. Его уж совсем не интересует судьба живых людей, он в первую очередь обеспокоен тем, как будет выглядеть дело не по существу, а с формальной стороны. В этом он пунктуален и суетливо дотошен в такой степени, что даже прокурор вынужден его остановить: «Оставьте эти хитроумия». А истинная подоплека усердия следователя до смешного проста: поменьше бы беспокойства и осложнений. Разумеется, чтобы так решать дела, он выработал для себя своего рода философию, по которой все люди делятся на недосыгаемых и маленьких. С одними он разговаривает «почтительно бережно», с другими грубо, неуважительно, издевательски. «Первое, что придет нам в голову, — оглушает он Тетерина, — вы собираетесь спасти виновного дружка... Вы понимаете, чем это пахнет?» В разговоре с Тетериным следователь не выбирает выражений: «Дитя любопытное! У ребенка, пожалуй, хватило бы соображения...» Или: «Вот вам и эко». Дитятичев (заметьте, вместе с прокурором) долго не мог понять Дудырева, зачем это он хочет «казаться святей папы римского» и не играет в благородство, как им думалось, а на самом деле просит разобратсь по правде, хотя и побаивается этой правды. Дитятичев явно не верит, что человек может быть чистым и честным, и Тетерин на себе ощутил всю силу его презрительного неверия: «Глаза следователя, серые, неприметные, с помятыми веками, казалось, заглядывают сейчас внутрь, ищут в тебе почрчное».

Не понимаю, какие такие «неверные мысли» распространяет своей повестью В. Тендряков, но для меня совершенно очевидно, что он верно и едко обличил прокурора и следователя, потерявших совесть, показал, что истоки этой печальной истории — в неверии в человека, то есть в чуждом нам мировоззрении, доказал, что дела и мысли таких людей расходятся в нашем обществе, как круги по воде, и совсем не так безобидны, как иногда кажется.

Дудырев сложнее, чем «недюжинный» прокурор. Он отступил от истины по другим причинам. Когда говорят о слабости второй части повести (после охоты), почему-то забы-

вают чрезвычайно важный, художественно тонкий и убедительный психологический анализ состояния Дудырева, осуществленный писателем именно в этой второй части.

Тетерин пришел к Дудыреву с пулькой и воззвал к его совести: «Эта пулька митягинская. Выходит, твоя пуля парня прикончила... Решай по совести». И отступился Дудырев не только тогда, когда сухо сказал Тетерину: «Сообщу о том, что нашел пулю, следователю. А я сам ни себе, ни Митягину помочь не могу». Но и тогда, когда хотел честно признать за собой часть вины. Часты! «Равную с Митягиным долю!», когда чуть не истерически корчился: «Нет, не может поверить! Не признает себя! Нет, нет и нет! Только не по доброй воле, лишь через силу, лишь припертый к стене, не иначе». С этим он пошел к следователю. У него он ведет себя благородно, высказывает умные мысли, а про себя казнится жесткими словами: «Подло! Низко!» Но и со следователем, и с прокурором он корректен, логично убедителен — не больше. И когда говорил так с ними, «думал о себе меньше», однако не переставал все-таки думать! А когда стало невозможно «спокойно и твердо доказывать, почему верит Семену Тетерину», заявил: «А все-таки прислушайтесь... Прислушайтесь и не опасайтесь за то, что я окажусь в невыгодном положении. Мне легче будет, если я отвечу за свою вину, чем спрячусь за чью-то спину».

«Мне легче!» — вот в чем дело. Он не боролся за истину, он искал, как поступить, чтобы ему со своей совестью было бы легче обращаться, легче жить. Самому признать себя убийцей — трудно, легче, если этим займется следователь. Трудно пережить, если тебя назовут убийцей, легче (и даже благородно), если ты сам по доброй воле разделишь вину с другим. Трудно бороться за правду Тетерина всеми доступными тебе средствами, легче вести долгую и бесплодную дискуссию о том, что Тетерин, пожалуй, прав, а с ним, Дудыревым, следует обращаться, как со всеми. Его речь на судебном разбирательстве, умилившая зал (а вместе и некоторых читателей), вся выдержана в тех же тонах: не важно, что здесь отсутствует истина, важно, что «мне легче». То он долго уверял следователя, что Тетерин не мог сказать неправды, а теперь, на суде, он «размеренно и по-прежнему спокойно говорит: «Кто из нас убил — для меня до сих пор тайна, как для всех». И заключает он свою речь почти патетически: «Мы оба повинны, оба в одинаковой степени!», то есть именно то, что он жаждал утвердить, когда доподлинно узнал истину: убил парня он, Дудырев.

Дудырев не опомнился, как полагают, сразу после того, как отправил Тетерина с пулькой к следователю, а продолжал вплоть до суда поступать по принципу: как бы полечче! Дудырев поступился истиной, и уже ничто не может оправдать его в наших глазах — ни прошлые заслуги, ни хорошие поступки и побуждения, ни большие государственные

мысли. В. Тендряков заставляет его по-новому взглянуть и в себя, и вокруг, и это закономерно — ведь он действительно умен. Но В. Тендряков нигде не защищает его: Дудырев тоже потерял совесть.

И. Соловьева увидела противоречие в том, что Дудырев и совесть теряет, и извлекает из этого спасительные уроки: «Людей надо учить жить». На самом деле здесь нет противоречия: Тендряков не теорему доказывал, а рисовал живой характер. Дудырев — это тип руководителя, для нашего времени весьма примечательный и характерный. Он принадлежал к той категории умных, энергичных, деятельных людей, которые и пользу приносят и в то же время не гнушаются выполнением плана по валу, а не по ассортименту, приобретением дефицитного материала годика на два, строительством неудобных времянок вместо капитального благоустроенного жилья и тому подобными якобы безобидными делами. В. Тендряков заинтересованно и страстно раскрывает природу грехопадения таких деятелей в нашем обществе — «мне легче! мне проще!» — а ему говорят, что он не в ладах с логикой художественной и логикой социологической. Что же касается умных мыслей, высказываемых Дудыревым, то ведь они «бьют» его тем сильнее, чем яснее и отчетливее он понимает, в какую бездну противоречий окунулся он, поступив не по совести. Если бы Дудырев был обыкновенным недалеким делягой, пройдохой, то тут бы и проблемы не возникало в том масштабе, в каком она исследуется автором.

Дело осложняется еще и тем, что Семен Тетерин тоже отступил от правды, он тоже поступил не по совести. Нет необходимости подробно останавливаться на этом сложном и удачном образе повести — о нем много говорили и писали. Следует лишь сказать, что В. Тендряков не просто обвиняет своего героя и не просто судит его судом собственной совести, развенчивает в нем так называемого «естественного человека», он подробно анализирует явление и ищет настоящих виновников случившегося.

Да, Тетерин виноват в том, что отступил и пошел не по тому пути, по которому первоначально звал его «голос совести» — голос правды. Да, Семен справедливо осужден и мнением людей и пуще всего собственной совестью. Но в повести возникает еще один вопрос: один ли Тетерин несет всю вину за то, что случилось!

Всем строем повести В. Тендряков отвечает: «Нет, не он, есть главные виновники». Тетерин, кроме того, что он виновен в отступничестве, единственный из живых участников процесса действительно пострадал. Прокурор и следователь чувствуют себя безусловно чистыми, ибо они лишь «объективно» изложили факты. Доволен и Дудырев: он «благородно» взял на себя часть вины. Донат Боровиков с его бессовестной теорией двух правд тоже вполне удовлетворен:

что ж, одна из двух на сей раз восторжествовала, потому можно выгодно поморализовать: «Мало мы доверяем друг другу. Великое дело — доверие». И ни в ком из них не заговорила совесть так, как она заговорила в Семене Тетерине, между тем все они по очереди активно и дружно толкали Семена к отступничеству. Одни неверием, другие угрозами, третьи боязнью за себя, четвертые «житейской мудростью» о двух стульях, на которых будто бы лучше, прочнее сидеть. Никто из них не подал Семену руку, когда он пришел к ним со своей правдой, потому они и являются прямыми виновниками тетеринского падения.

Семен Тетерин, в отличие от них, пытался бороться, и не его вина, а его беда, что идейно он незрел и духовно не закален, что сдал под натиском людей, потерявших совесть, соскользнул на ту дедовскую мораль, которая когда-то в индивидуалистическом обществе была закреплена в удобных формулах: «Плетью обуха не перешибешь», «Малой шавке не след на матерых волков лаять». Это не освобождает Семена от суда совести, наказания за отступничество, но это хорошо объясняет суть проблемы: потеря совести — это не частный случай с Тетериным, а проявление общественного зла, истоки которого и многообразны и многолики.

Повесть В. Тендрякова «Суд» — это обвинительное заключение против укоренившегося у нас и, видимо, еще не изжитого недоверия к человеку, против руководителей, действующих по принципу — «как бы полечче» или исповедующих теорию о двух правдах, против тех «малых» и «незаметных», которые по незрелости или малодушию отступают от своей правды. В. Тендряков воюет за истину, которая не приходит сама, которая требует, чтобы за нее боролись, чтобы все люди помогали, а не мешали ее рождению, он требует воспитания всего народа в духе высоких принципов коммунистической морали, не расходившихся, как известно, с правдой никогда. В. Тендряков создал глубокое и художественно завершенное произведение с широким и действенным общественным резонансом.

Русская литература всегда была совестью народа. Пристальное внимание к человеку, кто бы он ни был, внимание к его духовному миру, к его счастью, к его непреходящей ценности — вот одна из тенденций в развитии современной прозы, обусловленная всем ходом нашей истории. Разумеется, мы и раньше понимали высокую ценность человеческой личности, были гуманистами, но теперь мы практически испытали, что значит хотя бы малейшее отступление от принципов гуманизма. Мы и раньше знали, что народ — решающая сила истории, но теперь за этой верной формулой мы рассмотрели рядом живущего человека, который трудом своим и создает сегодня коммунистическое общество. Сегодня, как и вчера, В. Тендряков настаивает на предельном внимании общества к личности...

«Дом отличался от других домов не красотой, не игривостью резных наличников, а тяжеловесностью, добротностью: кирпичный фундамент излишне высок и массивен, стены обшиты пригнанной шалевкой, оконные переплеты могучи, крыша словно кичится, что на нее пошло много кровельного железа,— в железо упряты по пояс трубы, сверху на них красуются грубые жестяные короны, стоки-лотки несоответственной величины и длины. Добротность дома не просто откровенна, она назойлива и даже в чем-то бесстыдна. Хозяин, который строил этот дом, по-мужицки считал — красиво то, что вечно. Ему самому вечность была не суждена. Сейчас он умирал в этом доме.

Умирал Лыков Евлампий Никитич, знаменитый человек в области, председатель колхоза «Власть труда»... Со всех концов большого колхоза — из самого села Пожары, из Доровиц, из Петраковской — потянулись доброхоты под окна лыковского дома. Каждому ясно — жди перемен...»

Так начинается повесть В. Тендрякова «Кончина». Здесь все или многое сразу настораживает, вызывает интерес — и добротность дома до бесстыдства, и сама знаменитость, живущая в таком доме, и уверенность всех — перемены теперь наступят непременно. Выразить свое отношение к герою через обстановку, которую создал и в которой живет человек,— прием не новый. Однако же это все-таки типично тендряковское начало — сразу завязать сюжетный узел, сразу с открытым забралом пойти в наступление против того, что он считает уже отжившим — от помпезно-монументального стиля в архитектуре до ненавистной ему неограниченной личной власти, как и в ком бы она ни воплощалась.

И поскольку повесть затрагивала проблемы достаточно сложные, она должна была вызвать различное отношение читателей и критики. В этом нет ничего необычного: столкновение мнений — нормальное состояние литературного процесса. Однако на первых порах печать осудительно отнеслась к повести, и никакого столкновения, к сожалению, не произошло. Лишь спустя несколько лет появились работы Ю. Кузьменко, объединенные затем в книгу «Мера истины», в которой «Кончине» дана объективная оценка с учетом не только ее слабостей, но и сильных сторон.

В повести изображены события, которые так или иначе влияли на судьбу крестьян в различные периоды социалистического хозяйствования. Однако писатель не претендует на всесторонний охват событий и явлений. Он, как всегда, конкретен, пишет не всеобщую историю Советской страны за тридцать лет, а историю жизни и возвышения одного колхоза — «Власть труда», историю жизни и возвышения одного председателя колхоза Евлампия Лыкова.

В. Панков, выступивший тогда с наиболее аргументированной статьей о «Кончине», полагал, что чуть ли не существеннейший ее недостаток в том, что «автор ограниченно, схематично обозначил этапы колхозного развития» и, «сделав отношения Лыкова и Слегова основным фокусом повести... лишил многомерности панораму тридцатилетней жизни колхоза». Из этого положения автор статьи вполне закономерно и логически обоснованно выводит свои дальнейшие обвинительные заключения:

«Казалось бы, повесть обращена против всевластия отдельной личности, против искажения колхозной демократии, ложного применения на практике основ коллективизма. Между тем автор совершенно исключил какой-либо иной путь развития колхоза. Если не лыковщина, то как будто уж и нет никаких просветов.

В повести Лыкову расчищена дорога для всего бесчестного, своевольного. Ведь искусственно же уведены с поля боя коммунисты, комсомольцы, даже обычные более или менее активные колхозники. В этом и сказывается неправда факта»¹.

Надо полагать, что именно на эти грозные положения Ю. Кузьменко и отвечал, когда писал:

«Жизнь богаче теории, охватывающей ее процессы лишь в общем и целом. Годы крутого революционного перелома в деревне, разумеется, несли в себе бесчисленное множество индивидуальных судеб. В какой мере ситуация, намеченная в «Кончине», была характерна для того времени? Какое место занимали Слеговы в общей расстановке сил, принимавших участие в коллективизации? Не берусь отвечать на эти вопросы. Ясно лишь, что В. Тендряков в своем романе стремился отобразить именно эту, а не какую-либо другую драматическую коллизию»².

Иначе сказать, не следует критиковать то, чего в произведении нет, исследованию подлежит конкретная драматическая ситуация, пусть не многомерная, сознательно ограниченная, экспериментальная. Историю колхозного движения В. Тендряков безусловно знает. Его интересует индивидуальная судьба непосредственных участников этого движения и тот смысл, который стоит за каждой такой судьбой, причем смысл исторический.

Рождению колхоза в селе Пожары сопутствовало обострение классовой борьбы в деревне. В Пожарах она, в частности, была настолько накалена после покушения на организатора колхоза Матвея Студенкина, что о добровольности вступления в колхоз говорить просто не приходится.

---

¹ Виктор Панков. Традиции в движении. М., «Советский писатель», 1971, с. 188.

² Ю. Кузьменко. Мера истины. М., «Советский писатель», 1971, с. 290.

Кулаки-убийцы «по ошибке» вместо Матвея сожгли в бане его жену, и он, черный от горя, злой, ходил по селу с грозным предупреждением, от которого односельчан нередко бросало в холодный пот: «Мотри у меня!» Коллективизация в селе Пожары в один год была осуществлена на все сто процентов.

Хорошо это или плохо? Безусловно, хорошо, — отвечает автор. Матвей проделал большую, нужную и ответственную работу. В колхоз пришел и середняк, хозяйственный мужик, имеющий опыт и сцоровку. Он принес с собой тревогу и заботу о будущем: жить-то надо. Он огляделся: в колхозе после раскулачивания есть все — тягло, инвентарь, поэтому можно жить и по-новому, только без горячки, осмотрительного, толково.

Когда говорят о схематизме повести В. Тендрякова «Кончина», то это вряд ли касается главных героев. Евлампий Лыков, Матвей Студенкин и Иван Слегов — оригинальные характеры, данные объемно и в разных человеческих связях. За ними стоят важные жизненные явления, свойственные нашему обществу.

Матвей Студенкин — истинное дитя революционного времени. Бедняк из бедняков, он долго воевал и позднее всех пришел в родную деревню. Все читательские симпатии, несмотря ни на что, на его стороне. Он действительно «сидел в окопах, валялся в тифу, лил кровь, не жалея себя, чтобы отвоевать новую жизнь. И отвоевал!» Поэтому когда Матвей забывают в писаной истории колхоза как его родоначальника, когда его совсем и все забывают, словно и не жил и не боролся человек — это обидно, потому что несправедливо, как несправедливо забывать и об его вольных или невольных ошибках.

Обыкновенной грамотности не хватало Матвею, минимального опыта трудиться с людьми, вести большое хозяйство. Его неумение без потерь распорядиться отвоеванным, его постоянная настороженность и подозрительность, его привычка «смотреть на белый свет сквозь прорезь винтовки», его своеобразный, по-своему преломленный «классовый» подход к решению обычных хозяйственных вопросов многих выбивали из колеи, а некоторых, как Ивана Слегова, довели до отчаяния. Колхоз стал дышать на ладан, потому что Матвей и его сторонники не знали, как вести крупное хозяйство, а разумные предложения нередко встречали безапелляционным, попахивающим демагогией доводом: «Что? Кулацкое нутро взыграло?».

Средняк изображался многими авторами. Наиболее ярко у М. Шолохова и С. Залыгина. И каждый раз мы видели их в каком-то новом ракурсе — так многообразна жизнь. С. Залыгин дал своего Чаузова в ином качестве, чем М. Шолохов Майданникова. Герой М. Шолохова тосковал о собственности, демонстрировал, так сказать, свою двойственную

классовую природу, герой С. Залыгина ставил вопрос шире: если «взялись жизнь ладить по-новому, — давайте ладить с умом». В своих первоначальных устремлениях Иван Слегов В. Тендрякова во многом близок Степану Чаузову, даже в чем-то превосходил его. Иван, например, осознанно рвался к «служению обществу», готов был верой и правдой работать в колхозе, поставить колхозное производство на научные основы, так как был начитан и кое-чему научен. Он мечтал: «Разве это не счастье — себя перед другими наизнанку вывернуть?.. Пусть не сразу, пусть не скоро, но наступит час, когда все оглянутся и признают — с Ваньки Слегова началось! В селе Пожары мир до него — тот мир, что умирает сейчас при свете лучины! — будет так же походить на мир после него, как малярийное болото на райские кущи».

Но если Чаузов был последователен и тверд в защите своих взглядов, осознанно пошел на жертву, однако принципами не поступился, то у Слегова не хватило заряда идейности, закалки к сопротивлению, к борьбе. Порядки, заведенные в колхозе Студенкиным, окрики, пренебрежение к попыткам Слегова сделать что-то полезное для колхоза, унижения, которые Слегов при этом испытывал, озлобили его, привели к бунту, к мести за неосуществленную мечту — мечь «за оплеванную жизнь, за рев голодных свиней» на его «образцовой» свиноводческой ферме. При Лыкове Слегов быстро превратился в силу злую и беспощадную, действующую по принципу: «Чем хуже, тем лучше». Его советы Лыкову были по своему умны, но уже незаинтересованно равнодушны, они рассчитаны преимущественно на ущемление интересов колхозников, на нарушение принципов коллективного хозяйствования. Именно поэтому Ю. Кузьменко сказал об Иване Слегове: «Фигура эта необычайна для нашей литературы о колхозном строительстве, не укладывается в привычные представления»¹.

Именно в момент непримиримого столкновения двух мечтателей — Студенкина и Слегова — появился быстрый на ногу, всюду поспевающий, пробивной мужик Евлампий Лыков. Он центральный образ повести, о его кончине идет речь, это он оказывается в фокусе всех событий села Пожары.

По происхождению Лыков из «самого бедняцкого рода», с десяти лет на отхожем промысле работал. До тридцати дожил — ничего не приобрел, ходил по деревням и «растирал» бревна на тес, брату многодетному помогал. Потерла его жизнь, заставила ладить с разными людьми, приучила угождать. Приметил Евлампия Матвей Студенкин и сделал своим заместителем. Расторопен был Евлампий, сметлив и добр. Всей душой был предан колхозу, сам во все встревал,

¹ Ю. Кузьменко. Мера истины, с. 289.

покою не знал ни днем, ни ночью, а когда стал председателем, то нелегкий колхозный воз вез на совесть.

На первых порах ничего необычного в его поведении, в характере, в деятельности не было. Колхоз переживал обычные в те дни организационно-хозяйственные трудности, а когда пошел по стране голодный 1933 год, в колхозе «Власть труда» собрали приличный урожай. Выполнили хлебопоставки, а оставшиеся излишки быстренько раздали колхозникам («развезут — шалишь, по избам районные охотники не пойдут»). Все съедобное, что оставалось в колхозе, выгодно обменяли и чуть ли не на законном основании начали строиться. Пахотную землю под луг пустили (пришлось начальство уламывать, на что Евлампий был превеликий мастер: «и лаской, и таской, и слезливой бумажкой в район...»). Начал строительство Лыков, казалось бы, на одни излишки, а на деле вышло — за счет колхозников. Строительство развернули с размахом, а деньги быстро иссякли. Бухгалтер Иван Слегов и посоветовал:

— Я попридержал окончательный расчет по трудодням. Пускай в оборот.

Евлампий Лыков ответил:

— На трудодень законный посягаем. На то, что твердо обещали... Мужика, выходит, своего обворовываем.

— Уж так и обворовываем? Чем наш мужик питается? Чистым хлебом. А в других деревнях что сейчас жрут?..

— На совесть народ работал, и расчет должен быть по совести.

— По чьей?

— Как это по чьей? — удивился Евлампий. — Разве у народа совесть одна, у меня — другая?

— А разве ты во всем согласен, скажем, с Пашкой Жоровым?

— Ну нет, не во всем.

— То-то и оно. По Пашкиной совести — не сули орла в небе, дай синицу в руки, плевать на новую конюшню, отвали лишнюю жменю ржи. Можешь ты, председатель, жить Пашкиной совестью? Если да, то грош тебе цена.

Для первого раза звучит убедительно: конюшню-то он строит не для себя, а для общеколхозной пользы. Но как только Лыков стал систематически залезать в карман колхозников, получился фактический обман и явное беззаконие.

Так создавались условия, при которых деловитый и трудолюбивый Лыков превращался в другого человека, перерождался. Колхоз, конечно, рос и процветал, стал самым богатым в округе, а его председатель — самым знатным человеком.

На чем держался колхоз «Власть труда»?

«Как теперь, так и прежде, — пишет В. Тендряков, — все убеждены, что Пожарский колхоз поднялся только тем,

что Евлампий Никитич Лыков счастливо оказался в председателях. Он — причина». И в этом был свой резон, своя справедливость: в энергии Лыкову не откажешь. Но, кроме того, колхоз держался на сравнительно дешевой рабочей силе, на беззастенчивом использовании средств, принадлежащих колхозникам, на использовании бесконтрольных доходов, наносящих в конечном счете материальный и моральный ущерб всем участникам левых сделок. Естественно, что на таких основаниях колхоз развиваться нормально не мог, он зашел в тупик, вступил в противоречие с государственными интересами и интересами самих колхозников. Однако сам Лыков постепенно уверовал в свою непогрешимость, действовал все более беззастенчиво и все более бесконтрольно. Отгрохал себе дом нелепо добротный, на широкую ногу поставил контору колхоза, окружил себя людьми подобострастными или зависимыми — секретарем-сводней, шофером-вышибалой, замом-ничтожеством, нужным для того, чтобы он делал за председателя «тяжелую работу» — отказывал многочисленным просителям и принимал плевки, предназначенные председателю...

Когда говорят о статичности образа Лыкова, о его одноцветности, то упрек этот трудно принять без всяких оговорок. Да, он действует в повести в основном как перерожденец, он изолировал себя от нормального коллектива, возмнил о себе невероятно, предстал перед нами грозно-мрачной силой, но — «тревожен был в последние годы Евлампий Лыков, что-то неуловимое происходило в лыковской державе...» Лыков не может найти в своей душе покоя, мучается, пытается что-то главное в жизни ухватить, поймать — и это сразу делает его живым, отнюдь не одноцветным. Суть в том, что ему и невозможно понять: идеям волюнтаризма наступал конец.

В этом смысле чрезвычайно интересен образ Сергея Лыкова, племянника Евлампия Никитича, так как он в значительной мере и дает представление о здоровых силах общества.

Образ Сергея Лыкова по сравнению с образами Лыкова-старшего и Ивана Слегова уступает в объемности и красочности, в отдельных случаях автор удовлетворяется обычной информацией о поведении героя, не заглядывая в его душу. Его любовь к Ксюше, к сожалению, не освещена большой поэзией. В этом случае В. Панков прав, обращая внимание автора на схематичность образа. Однако история жизни Сергея, кратко рассказанная писателем, значительна несколькими моментами: историей очарования и разочарования в лысенковских теориях, историей недолгого благополучия колхоза в деревне Петраковская, где Сергей впервые применил к делу свои незаурядные силы творчески мыслящего человека, наконец, в истории духовного роста Сергея после того, как Лыков-старший поставил его на

место, учуяв в нем не наследника и преемника, а противника. Тяжело пережив все, что их до поры до времени разъединяло, Сергей и Ксюша нашли в себе силы, чтобы заняться в домашней лаборатории изысканием лучших семян для будущих колхозных урожаев. Этот эпизод является ключевым в образной ткани повествования, так как он говорит о творческой мощи народа, для которого давно уже нет вопроса, нужны или не нужны колхозы и совхозы, для него теперь важно другое: как рационально, экономически выгодно вести крупное социалистическое хозяйство.

Однако смысл и содержание образа Сергея Лыкова шире и не уместается в уже привычную формулу: на смену старому Лыкову пришел руководитель нового типа. Суть проблемы тогда заключалась в том, что Евлампий Лыков умер, а лыковщина еще жила и продолжала мешать идти вперед, ибо «умершие часто продолжают жить среди живых».

Видимо, поэтому повесть завершалась весьма по тому времени своевременным размышлением Сергея над могилой своего дяди, которого хоронили с почестями, при стечении всего пожарского народа, с прочувствованными речами и искренними слезами:

«Евлампий Лыков умер, Евлампий Лыков жив. Жив в бабах, которые только что величали его «кормильцем», жив в Пашке Жорове, в бухгалтере Слегове теплится... Лыков стал привычкой. От своих привычек люди так быстро не отказываются — только с болью, только с боем.

Бой... Сергей начал его, когда председатель твердо ходил по земле. Теперь комья земли падают на крышку гроба. И бой не кончен, с умершими тоже приходится спорить. Спор ради тех, кто причитал по «кормильцу», спор против тех, кто готов кормиться именем Лыкова».

Такими словами закончен писательский эксперимент. Он выполнен не во всем безупречно точно. Но созданы правдивые образы Лыкова и Слегова, отразившие некоторые существенные стороны реального общественного процесса.

Предельное внимание общества к личности, практическое осуществление идей коллективизма, критика любого от них отступничества волновали писателя, когда он создавал и «Падение Ивана Чупрова», и «Тугой узел», и «Кончину», и другие произведения, прочно вошедшие в круг постоянных читательских интересов, в историю нашей литературы.